

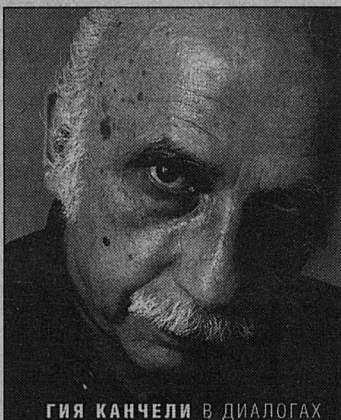
Звонящая тишина Гии Канчели

Портрет композитора в диалогах

Первое, что поражает в книге «Гия Канчели в диалогах», выпущенной издательством «Музыка» к 70-летию композитора, — ее необычная «внешность». Увесистый и солидный (квадрат объемом почти 600 страниц и весом около двух килограммов) фолиант изысканного дизайна (роскошная полиграфия, плотная глянцевая бумага и такие немаловажные мелочи, как отсутствие привычных глазу абзацев и «красных строк», которые заменены игрой шрифтов и цветом букв) с отличными фотоиллюстрациями! Плюс картины Нико Пиросмани и рисунки Резо Габриадзе (просто — художественный альбом!) и серьезный справочный аппарат в приложении. В последнем дан подробный указатель всех сочинений композитора, фестивалей, где звучала его музыка, каталог имен — все предполагает научный характер издания. Однако это не так. Книга далека от академического жанра с серьезными музыковедческими разборами. Как, в равной степени, и от популярного эссе «о жизни и деятельности знаменитого человека». Получился художественный портрет, составленный из откровенных, а подчас и исповедальных ответов композитора, которого так велик соблазн называть философом. А вопросы герою задает Наталья Зейфас, музыковед, специалист по творчеству Гии Канчели, автор книги «Песнопения». И вопросы, и ответы (результат многолетних бесед) столь глубоки, точны, тактичны и нетривиальны, что, кажется, в художественном и жизненном сюжетах Гии Канчели тайных знаков не остается. А если какие-то секреты и не раскрыты, то этого заметить не удалось.

Канчели рассказывает о своей жизни, друзьях и семье, размышляет о природе искусства и политике, о Грузии и религии, о тенденциях развития общества, делится интересными, смешными и печальными историями. Прочитав книгу, не любить в этом мудрого человека попросту невозможно. Его художественным азартом и самоотдачей («именно борьба между интуицией и самоконтролем делает процесс сочинения столь мучительным и изнурительным для меня») создан особый мир, особый композиторский театр, который открыт всем жанрам — от трагедии до комедии, природа которого соткана из полутонов, балансирует на контрастах и сопоставлениях. В этом мире «замешены» теплый Тбилиси, снежная Москва и грустные мотивы комфортного зарубежья. Валерий Гергиев заметил, что одной из примет театра Канчели, «одной из сильных его сторон является умение создать звенящую, напряженную тишину, умение разговаривать на грани исчезновения материи! Это и в легкой музыке, и в камерных, и в симфонических произведениях.

В этом мире живет и слово. И как ему не жить, если Канчели — соавтор Роберта Стура, с которым созданы спектакли «Кавказский меловой круг», «Ричард III», «Ханума». Ему же принадлежит мелодия к фильмам Георгия Данелия «Мимино» и «Кин-дза-дза», а бессмертную «Чито-гврито» маниакально напевает вся страна. О записи музыки к фильму «Кин-дза-дза» композитор вспоминает так: «Данелия притаскивал на запись какой-то старый ржавый замок с заржавевшим ключом. И во время записи то открывал, то закрывал его. Потом все это искусство накладывали на музыку скрипача. Режиссер застав-

ГИЯ КАНЧЕЛИ В ДИАЛОГАХ

лял скрипача издавать такие звуки, что тот был в ужасе и все время спрашивал: «Зачем вы меня позвали?» А в «очень медленной и очень печальной музыке», которая отличает творчество Канчели-симфониста, находили сходства и совпадения с «его миром» выдающиеся музыканты Джансуг Кахидзе, Гидон Кремер, Мстислав Ростропович, Юрий Башмет, Валерий Гергиев... Симфоническая музыка Канчели не нуждается в программных комментариях: «Меня всегда поражает желание некоторых слушателей не почувствовать, а «понять» музыку». И далее: «А музыку ведь следует просто слушать! Слушать и чувствовать, не слишком заботясь о том, как автор озаглавил сочинение и что хотел в нем сказать». Да и кто усомнится в том, что великие страсти, тонкая ирония и даже вызывающий сарказм не доступны музыке Канчели с ее медленным течением, невероятными контрастами и замирающими паузами, музыке, где живописная сочность его кино- и театральные работ все больше и больше оборачивается многообразием черно-белой гаммы?.. О том, как и почему возникает это дыхание тишины, в которой «как бы продолжает звучать музыка...», и рассуждает сам автор.

Каждый из двадцати трех диалогов завершается высказыванием нового персонажа, фрагментом рецензии или отрывком из интервью. Здесь и переписка с Мстиславом Ростроповичем, которая, кстати, публикуется впервые и раскрывает абсолютно неведомые истории. И письма музыкантов, и отзывы простых любителей музыки. Теперь, к счастью, не канут в вечность такие личные впечатления о работе с композитором, которыми делятся Роберт Стура и Геннадий Рождественский, Юрий Темирканов и Альфред Шнитке, Гидон Кремер и Юрий Башмет, Джансуг Кахидзе и Валерий Гергиев, Георгий Данелия и Юрий Любимов, Резо Габриадзе и Георгий Алексис-Мехишвили. Кисти последнего принадлежит удивительный портрет Гии Канчели: на полотне — два лица, одно, в анфас, — возвышенное и мечтательное, а рядом — профиль грустного философа, которому известны великая боль и правда бытия, и они к веселью явно не располагают.

Повествование включает рассуждения на довольно непростые, болезненные и сложные темы. Из обращения к Гергиеву: «После распада СССР стремление народов, населяющих Кавказ, к независимости привело к самоизоляции и неоправданным человеческим жертвам. Так случается всякий раз, когда оголтелый патриотизм превращается в профессию большинства. Сужать круг — удел толпы. Расширять — привилегия людей

выдающихся». Или: «Я согласен на то, чтобы все, что хотите, происходило, но мне бы не хотелось, чтобы грузинская культура отдалялась от русской культуры. Я считаю, что для нас это может обернуться очень плохо».

Замечательные страницы посвящены детству (о том, что маленький Гия станет музыкантом, «говорили» многие метки: «необыкновенная форма ушей, красивые пальцы и родинка на животе») и старому Тифлису с его коммунальным укладом быта и открытостью. Оказалось, что к серьезным опусам композитор пришел посредством «непоследовательности в образовании и самообразовании», через страстное, почти фанатическое увлечение джазом. Мелодии Гленна Миллера и Дюка Эллингтона привели Канчели в Тбилисскую консерваторию.

Нынешняя жизнь иная, и композитор рассказывает о ней, протекающей в умиротворенном Антверпене. В Европу он попал в начале 90-х годов как стипендиат Немецкой академической службы обменов DAAD. Он знает, что происходит в родной Грузии, ставшей за границей, приезжает в Россию и не всегда узнает бывшую советскую империю.

В этой — новой — жизни многое изменилось. Неизменным остались только боль за Грузию и «мученичество» сочинителя. Он ежедневно работает за инструментом, уверенный, что для того, чтобы что-то сделать, «мученичество» и думы о том, что делается, должны длиться все время. «Я не стараюсь и не стараюсь выглядеть оригинальным. Напротив, я часто повторяю, что одна из главных моих творческих проблем стара как мир: перейти из субдоминанты в доминанту, а затем в тонику таким образом, чтобы не вызвать скуку прежде всего у самого себя».

А как интересно рассказывает Канчели о духовной близости с Альфредом Шнитке, Арво Пяртом, Валентинем Сильвестровым! Да и о многих других. Впрочем, не менее любопытны страницы, посвященные любимой семье и любимому автомобилю.

В эту книгу стоит вчитаться, и когда это происходит, то оторваться от нее невозможно, почти как от остро сюжетного детектива. Быть может, потому, что очень многие темы имеют продолжение и раскрываются не сразу. «Мне в равной степени близка музыка добавской эпохи и XX века, хотя я не очень доверяю людям, чья душа одинаково открыта искусству любого исторического периода, любого направления!» И эти люди, которым доверяет и которых любит композитор, поочередно входят на страницы повествования.

Книга адресована не музыковедам, хотя, уверена, будет интересна и им, потому что нет ни одного сочинения, о котором бы не рассказывал автор, а вместе рассказы складываются в единую мелодию жизни. «Диалоги» не почитаешь в переполненном транспорте или в минуты рабочего отдыха. Для этого книга слишком тяжела, откровенна и серьезна. Она — для тех, кому приносит удовольствие медленное чтение — то, которое сопряжено с уютом письменного стола. А еще лучше, если неспешное чтение будет сопровождать музыка Канчели.

Елена ФЕДОРЕНКО

«Гия Канчели в диалогах с Натальей Зейфас». М.: «Музыка», 2005.